

©1994 г.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ УСТАНОВКИ А. ШЮТЦА

Предлагаемый читателю небольшой фрагмент из посмертно изданной М. Натансоном антологии работ известного американского философа и социолога австрийского происхождения А. Шютца (1899—1959) является блестящей иллюстрацией на конкретном материале основных методологических установок отца-основателя феноменологии социального мира. Вопреки широко распространенному в литературе выражению «феноменологическая альтернатива классической социологии», сам А. Шютц полагал, что он лишь осуществил плодотворный синтез философских идей Э. Гуссерля и социологических установок М. Вебера, а также развил некоторые из введенных ими понятий до логических пределов и проанализировал их применение на различных уровнях социологического анализа. Однако подобно Колумбу, искавшему путь в Индию, а открывшему Америку, А. Шютц обнаруживает теоретическую эвристичность и социологическую эффективность принципиально новых для классической, объективистской парадигмы социального знания методологических подходов, адекватных его задаче исследовать предельные основания социальности как процесса обмена человеческими смыслами.

Следуя М. Веберу, А. Шютц отказывается от поиска исходных фундаментальных принципов, пресловутой «клеточки» социально-философского анализа. Такой подход, во-первых, неизбежно объективирует картину социального мира, приводя к утрате специфики общественных наук, «предмет» которых, в отличие от объектов природы, имеет собственное представление о себе и своих действиях. А во-вторых, — и это для А. Шютца, по-видимому, самое главное, — не позволяет схватить смыслов индивидуального действия и процессов обмена подобными смыслами, которые, согласно его представлениям, конституируют «божественное социальное». Поэтому, отдавая дань уважения отцам-основателям классической социологии, А. Шютц с осторожностью относится к присущему им стремлению ко всеобъемлющей теоретической схематизации, основанной на сильных онтологических допущениях, в соответствии с которыми социальные факты следует рассматривать как вещи.

Феноменология социального мира А. Шютца, строго говоря, не теоретична. Это образец рационального нарратива, повествовательного описания, логического развертывания объяснений «на основе очевидности». При этом, строго придерживаясь требований феноменологической установки, А. Шютц избегает неявных теоретических допущений и рассматривает любое явление общественной жизни как непосредственно данный сознанию феномен.

В области социальной методологии А. Шютц сосредоточил внимание на подлинно интеллектуальных проблемах, простирающихся сквозь ставшие привычными, а потому непроблематизируемыми, модели социологической аргументации. Вклад А. Шютца в социальную методологию касается краугольных камней социально-философского мышления и простирается на уровень метаанализа, т.е. систематического обращения к вопросам, логически первичным по отношению к любым утверждениям относительно самой социальной реальности.

Как известно, классическая парадигма социального знания основана на представлении о социально-онтологическом приоритете жестких социальных структур перед живой человеческой коммуникацией. А. Шютц же берет за основу анализа социальное действующее лицо, точнее, структуру его персонального сознания. Готовые социальные структуры и институты полагаются вторичными по отношению к нему: в них кристаллизуются уже ставшие привычными формы деятельности и общения. Например, в некоторых первобытных культурах нарушение табу на кровосмешение карается смертной казнью. Однако было бы нелепо считать, полагает А. Шютц, что половое поведение человека в этих культурах регулировалось отсечением голов.

Унаследовав от М. Вебера трактовку осмысленного социального действия как постижения смыслов индивидуального действующего лица, А. Шютц задается поистине кантовским вопросом: как возможно само осмысленное социальное действие, лежащее в основе любых

общественных коммуникаций? Иными словами, за счет чего достигается взаимное понимание в процессе обмена деятельностью? Отвечая на этот вопрос, основатель социальной феноменологии завершает свой анализ там, где М. Вебер его начинал: он исследует философские основания проблемы intersubjectivity.

А. Шютц полагал, что Э. Гуссерль не смог дать удовлетворительного решения проблемы intersubjectivity, поскольку сознательно ограничил свой анализ рамками индивидуального сознания. Однако заслугу своего учителя видит в том, что он поставил проблему и фактически показал невозможность ее разрешения средствами трансцендентальной феноменологии.

Стремясь обосновать возможность того, что М. Вебер берет как данность, А. Шютц протягивает веберовский анализ понимания как реконструкции смыслов индивидуального действующего лица до уровня феноменологической психологии. Ее изначальной данностью является персональный ноток сознания, обладающий собственным внутренним временем, — мерилом человеческих переживаний.

Опыт в потоке представляет собою не дискретное бытие, а перманентное изменение. Поэтому необходимо особое усилие сознания, «установка на внимательное рассмотрение», чтобы отличить друг от друга и зафиксировать его отдельные элементы. Слитые в едином потоке сознания, акты переживания могут быть представлены как различных модусы сознания лишь в результате рефлексии. Подобная рефлексия представляет собою интенциональную деятельность сознания по отношению к самому себе и выступает интерпретацией в собственном смысле слова. В процессе подобной интерпретации переживание обретает смысл и становится осмысленным переживанием. Таким образом, рефлексия в ее феноменологическом понимании становится смыслоконституирующим действием. Она вносит упорядоченность в изначальное не структурированное, а потому и не осмысленное течение опыта. В экзистенциальной феноменологии, как известно, рациональная деятельность по конструированию смыслов превращается в вариант субъективистской онтологии. Однако сам Э. Гуссерль подобного превращения не одобрял.

Наряду с ретроспективным смыслополаганием, А. Шютц постулирует наличие смыслополагания проспективного, телеологического. Его сущность — в проектировании, формулировке плана. Проект — это идеальный результат действия, предвосхищенный сознанием. Но и проектирование предполагает наличие рефлексивных актов, задающих ему материал для конструирования, свободной игры со значимыми элементами опыта.

Напряженность рефлексивной деятельности препятствует полному уходу в интуицию «чистой длительности», «уходу в себя». Наряду с рефлексивной деятельностью. А. Шютц приписывает сознанию всегда присутствующее ему «внимание к жизни». В самом деле, мы редко «только думаем» или «только действуем». «Внимание к жизни» определяет и темпоральную доминанту сознания: живет ли человек преимущественно в настоящем, рефлексивно ли обращен в прошлое или устремлен в будущее в мечтах и проектах.

Внимание к жизни, в свою очередь, детерминировано практическим интересом. В зависимости от направленности такого интереса формируется преваляющая система релевантностей, или жизненных приоритетов. Именно практический интерес, утверждает А. Шютц, организует наш жизненный мир в области большей или меньшей релевантности, человеческого предпочтения, значимости, «болевых точек» и «узловых проблем».

Иерархический порядок областей релевантности является важнейшим конститутивным элементом относительно устойчивой «естественной установки». Мир естественной установки — важнейшее понятие социальной феноменологии А. Шютца. Оно означает целостный естественный мир, доступный сознанию как наивная точка зрения находящегося в конкретной ситуации человека, — это окружающий его социальный мир, организованный в иерархию интересов, целей и планов. Такой мир имеет свою временную глубину на пересечении субъективного и физического времени и способен изменяться, как по мановению волшебной палочки, при смене установки.

Рефлексивно осмысленный опыт каждого человека кристаллизуется в запасе его наличного знания, которым он и руководствуется в своей повседневной жизни. И хотя такое знание, замечает А. Шютц, лишь частично ясно, не всегда последовательно и не лишено противоречий, оно оказывается вполне достаточным как для осмысления прошлого опыта, так и для построения новых жизненных планов и проектов. Ориентация человека в мире в конечном счете определяется запасом его наличного знания, жизненного опыта, т.е. всей историей его жизни. В каждой конкретной ситуации переживания и поступки человека биографически детерминированы, поэтому никакие два человека не переживают одну и ту же ситуацию одинаково, ибо личный опыт каждого уникален.

Неоднократно подчеркиваемый А. Шютцем тезис биографического детерминизма пре-

дельно обостряет постановку основной проблемы социальной феноменологии: как возможны взаимное понимание и коммуникация людей, чьи переживания и интерпретации в социальном мире определены их личной судьбой, отложившейся в памяти, уникальными для каждого запасами наличного знания?

Развиваемая А. Шюттем социальная феноменология исходит из представления, что процесс человеческого понимания не ограничивается сферой персонального сознания, а осуществляется в более широкой области жизненного мира, мира естественной установки. В пределах естественной установки существование других людей и наличие у них психической жизни не проблематизируется и принимается, равно как и существование физических вещей, в качестве фундаментальной предпосылки. Мир естественной установки является не частным для индивида, но intersубъективным миром, разделяемым с другими, — миром повседневной жизни. Именно благодаря наличию общей структуры мира повседневной жизни личная биография человека кристаллизуется в набор типизированных жизненных ситуаций и схем опыта, обладающих открытым горизонтом сходных будущих переживаний. Поэтому императив непрерывности повседневной жизни, обеспечивающий устойчивость базовых структур понимания в жизненном мире, оказывается основным требованием социальной экологии.

Естественная установка определяет субстрат генерализирующих типизаций. Именно она определяет одни черты ситуации как типичные, другие — как уникальные и индивидуальные. Мир естественной установки — это мир типичного, усредненного, тавтологического. Типичное — это осадок исторического, отвердевшего в инвариантах и сохраняющегося при всех разочтениях в качестве фона, определяющего перспективу видения нового опыта. Типизация — это идентификация с тем, что уже было, срывание покровов новизны и узнавание тождественности феномена с тем типом, к которому он «приписан». Подобные типизирующие структуры, преодолевающие своеобразие личного опыта, в рамках феноменологической социологии мыслятся устойчивой смысловой основой взаимопонимания и коммуникации.

Процедура «отнесения к типу» отождествляется с объективной интерпретацией. Подобная интерпретация конституирует мир готового опыта или «объективного смысла». Он представляет собой готовые предсуждения, пред-понимания, пред-рассудки. Подобные типизации образуют устойчивый смысловой контекст, задающий готовые схемы интерпретации нового опыта. Поэтому для того чтобы успешно действовать к миру повседневной жизни, вовсе не обязательно каждую проблему решать заново. Типизирующие обобщения вполне достаточны, для придания человеку уверенности, что сегодня он может достичь успеха, как и вчера, если будет следовать типичным целям типичными средствами. Более того, сталкиваясь с экстраординарной ситуацией, например, неудачей в бизнесе, семейным конфликтом или смертью близкого, человек может положиться на типичные рецепты решения подобных проблем, которые — в пределах социально одобренных типизации — воспринимаются как стандартные.

Человеком, погруженным в структуры повседневности, подобная типизирующая установка не проблематизируется, а воспринимается как естественная и несомненная, дарующая безопасность и уверенность. Она не требует специального знания, а полагается на простое знакомство. Рецептам нужно следовать, но их не обязательно понимать. Так, в отличие от методологических установок дискурса Просвещения, прокламирующих безграничное всемогущество человеческого разума, феноменологическая социология знания постулирует «новую непрозрачность», заставляющую многое принимать на веру.

Однако установка на типизацию как основу intersубъективности порождает и свои сложности. Они обусловлены отсутствием всеобщей формулы трансляции систем типизации и релевантностей из одной социальной группы в другую. Дело в том, что для оценки типичности и анонимности социальных действий каждый человек использует ту измерительную линейку, которая сложилась в его «домашней» группе. Поэтому для «внешнего» наблюдателя те, кто действуют на основе присущих им групповых стандартов типичности и анонимности, являются не исполнителями типичных функций, но индивидами. Поэтому культурный порядок чужой группы для желающего в нее войти становится не пристанищем, а полем приключений, не само собой разумеющимся, а темой исследования, не инструментом разрешения проблемной ситуации, а проблемной ситуацией как таковой.

Иллюстрацией этого важного тезиса феноменологической социологии знания и является предлагаемый читателю фрагмент «Возвращающийся домой». В нем с художественной выразительностью показаны социально-психологические трудности реадaptации к дому, с которыми сталкивались солдаты и офицеры по возвращении в семьи с театра военных действий. Подобные проблемы порождали у людей неуверенность и душевные травмы из-за непонимания близких, а зачастую и неразрешимые конфликты с ранее столь близкими им людьми.

Будучи австрийским подданным, А. Шютц сам принимал участие в боевых действиях Первой мировой войны, и опыт возвращения домой осмыслен и пережит им лично.

Отметим, что на разрешение подобных проблемных ситуаций направлена вся неклассическая социальная методология, ориентированная на достижение взаимопонимания, диалог и культурное посредничество. Именно потребность в решении подобного рода проблем инспирировала становление неклассической парадигмы социального знания, идеал которой — «мягкая», смылосберегающая социальная методология, помогающая преодолевать культурные и возрастные барьеры и достигать взаимопонимания. И одним из наиболее значительных образцов такой методологии является феноменология естественной установки А. Шютца.

Н.М. СМИРНОВА